

СЦЕНАРИЙ ОТ КАМИНСКОГО

ВЕЛОСПОРТ НА ШОССЕ ВСЕГДА СЧИТАЛСЯ ЭЛИТНЫМ ВИДОМ ОЛИМПИЙСКОЙ ПРОГРАММЫ. СОВЕТСКИЕ ВЕЛОСИПЕДИСТЫ ТРИЖДЫ ПОБЕЖДАЛИ В КОМАНДНОЙ ГОНКЕ, ОТКРЫВАЮЩЕЙ СОСТЯЗАНИЯ НА ГЛАВНЫХ СТАРТАХ ЧЕТЫРЕХЛЕТИЯ. НО СЕГОДНЯ ЭТА ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ПО НАКАЛУ СТРАСТЕЙ ДИСЦИПЛИНА, К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ ВХОДИТ В ПРОГРАММУ ИГР. ПЕРВЫМ ЖЕ БЕЛОРУССКИМ ОЛИМПИЙСКИМ ЧЕМПИОНОМ ЭТОГО ТУРНИРА В МОНРЕАЛЕ В 1976 ГОДУ СТАЛ **ВЛАДИМИР КАМИНСКИЙ**. ПОМИМО САМОЙ ПРЕСТИЖНОЙ СПОРТИВНОЙ НАГРАДЫ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ИМЕЕТ ЕЩЕ ОДНО ВЕСОМОЕ ДОСТИЖЕНИЕ: ОН ЕДИНСТВЕННЫЙ ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН, ЗАКОНЧИВШИЙ БГОИФК И ЗАЩИТИВШИЙ КАНДИДАТСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ НА БАЗЕ ТОГО ЖЕ ВУЗА.

ПОНИМАЮЩИЕ ТОЛК В ВЕЛОСПОРТЕ ЛЮДИ ОЖИДАЛИ УВИДЕТЬ КАМИНСКОГО НА СТАРТЕ И В ОЛИМПИЙСКОЙ МОСКВЕ-80. НО НЕ СЛОЖИЛОСЬ... ОДНАКО НЕКОТОРЫЕ СОТРУДНИКИ БГУФК, ТО ЛИ ПОДТРУНИВАЯ, ТО ЛИ ПОДДЕРЖИВАЯ КОЛЛЕГУ, ПОЧТИТЕЛЬНО ПРИВЕТСТВУЮТ ЕГО: «ПРИВЕТ, ДВУКРАТНЫЙ!» ИЛИ ЖЕ «ПРИВЕТ, ПРОФЕССОР!» А ОН, ЗАСТЕНЧИВО УЛЫБАЯСЬ, СКРОМНО КИВАЕТ ГОЛОВОЙ, И ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, ЧТО МОЛОДЕЦКИ СТРОЙНЫЙ ПЕДАГОГ В ЭТИ ДНИ ПРАЗДНУЕТ СВОЕ 70-ЛЕТИЕ.

ТИХАЯ ДЕРЕВУШКА

Он родился в деревне Торфзавод Цна. Это теперь все названия с упоминанием небольшой речушки намекают на непосредственную близость к белорусской столице. А в середине прошлого века, когда там добывали торф, Минск заканчивался в районе Дома печати и производство с городом связывала узкоколейка. Деревня была настолько тихой, что о начале войны жители узнали, только когда не смогли увидеть просторы неба из-за нескольких десятков гудящих «мессершмиттов». Эхо взрывов доносилось откуда-то издалека — из Минска. Столица пылала... А в нескольких километрах от нее в деревне с покосившимися избами продолжал царить поистине патриархальный уклад. В послевоенное время производство торфа возобновилось. Володя Каминский в семье был младшим из троих сыновей, поэтому от тяжелого физического труда был «освобожден». Его мама на производстве была бухгалтером, ездила в городской нацбанк за зарплатой для работников и обычно возила самостоятельно деньги в хозяйственной сумке. Иногда брала с

чески нагишом дружно плескались в речушке или карьере, наполненном дождевой водой, Владимир в штанишках, ботиночках и рубашечке одиноко прохаживался поодаль. Иногда компания заряжалась идеей затянуть «интеллигента» в воду, но тот вдруг включал оглушительную «пожарную сирену» и начинал яростно сопротивляться так, что у всех резко пропадало всякое желание приобщить отщепенца к забаве. Велоспорт в семье начался со старшего брата Леонида, который вскоре потянул за собой среднего — Анатолия, а следом всю деревенскую молодежь. Братья выиграли единственную золотую медаль среди белорусов в командной гонке на 75 км на Спартакиаде народов СССР среди коллективов физкультуры, представляя

МЫ ЕДВА УСПЕЛИ ПРИСТЕГНУТЬ РЕМЕШКИ НА ПЕДАЛЯХ, УСЛЫШАЛИ ОСТАВШИЕСЯ СЕКУНДЫ — ПИУ-ПИУ-ПИУ — И ПОЕХАЛИ...

собой младшего сына, но каждая поездка была испытанием для ребенка, потому что в автобусе его укачивало. А потом еще требовалось пройти через лес 6 км пешком...

команду «Камвольщик». Владимир не пошел по стопам братьев на камвольный комбинат, а по окончании школы вместе с мамой отправился в Минск выбирать учебное заведение. Было принято решение подать документы в Минский электротехникум связи. Для среднего специального учебного заведения деревенских знаний было достаточно, только лишь преподаватель физкультуры штангист Степан Иванович Михов не желал ставить положительную отметку, пока учащийся не выполнит переворот на брусках. К слову, на освоение элемента Каминский убил целое лето и настойчивостью заслужил тройку. На втором курсе гимнастика уже не висела над ним дамкловым мечом, и Володя одолел второй разряд по лыжным гонкам. Когда начался велосипедный бум, его на занятиях не оказалось. Но спустя некоторое время один из товарищей все-таки затащил парня в секцию спартаковской школы.

СПОРТ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Ни о какой спортивной карьере речи в семье не велось. Однако в пятилетнем возрасте Володя попал на операционный стол с паховой грыжей потому, что слишком усердно накручивал педали на трехколесном велосипеде.

С детства мальчишка не отличался отменными физическими данными и к тому же напрочь отказывался принимать белковую пищу, богатую энергией: мясо, рыбу и яйца, что для семьи, имеющей натуральное хозяйство, считалось явлением совсем нетипичным.

Учитель физкультуры Дубовлянской восьмиклассной школы Евграф Иванович Пушкин видел, что парнишка с субтильным телосложением бледно выглядит на фоне сверстников: он тщетно пытался карабкаться по деревянному шесту, в то время как остальные учащиеся крутились на нем, как обезьяны.

Когда после дворового футбола пацаны практи-

ВСЕ ПОНЯЛ

На одной из первых тренировок случилось групповое падение, — вспоминает Владимир Владимирович. — В суматохе кто-то меня переехал. На голове образовалась резаная рана. Мне замотали голову бинтом, сверху я надел велосипедную шапочку. В выходные дни я, как обычно, поехал домой. Ходил по улице, по хате и спал в кепке, чтобы скрыть травму. Но мама почуяла неладное. Пришлось сознаться, что я занимаюсь велоспортом. Собрался семейный совет. Мама причитала: «Третьего велосипедиста я уже не вынесу...» Я молчал и понимал ее недовольство. Братья зачастую возвращались домой ободранные и с ног до головы перемазанные зеленой. За компанию с мамой и они пытались давить на мое сознание. Анатолий говорил: «Ты же ничего не ешь. Через неделю сдохнешь!» Леонид поддерживал тему: «Пусть попробует. Скоро сам все поймет...»

Ну да, осенью я все понял... И выиграл индивидуальную гонку на 25 км на первенстве БССР среди специальных учебных заведений. Весной меня вывезли на сбор в Сухуми. К тому времени я уже, можно сказать, профессионально тренировался у Леонида Степановича Корбута, с которым по жизни так и иду рука об руку. Под его руководством в июне на первенстве СССР среди

средних специальных учебных заведений я выиграл две гонки: индивидуальную и командную.

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

Дальнейший жизненный путь проходил через службу в рядах Советской Армии. Меня определили в спортроту, которая базировалась в Уручье. Я был счастлив, что можно будет беспрепятственно тренироваться, а легкоатлет Михаил Желобовский, примеряя воинскую форму, злобно бурчал: «Не понимаю, почему меня призвали, у меня же плохое зрение!» Ответ был категоричен: «От тебя требуется не стрелять, а быстро бегать». Белорусский военный округ славился спортивными достижениями на весь Советский Союз. Меня все устраивало, даже тогда, когда объявляли тревогу и все дружно хватали автоматы и бежали по машинам. Борцы, фехтовальщики, стрелки, легкоатлеты общались на равных, никакой дедовщины не было. Правда, однажды я все-таки оказался в неловком положении на глазах у всей компании. Начальник команды майор Марченко решил познакомиться с новобранцами. Обратился к тренеру с вопросом: «Как дела?» А тот и отрапортовал: «Нормально.

Только один солдат мяса не ест». «Кто такой?» — начался допрос. «Рядовой Каминский», — открыл карты тренер. Майор с грозным видом подошел ко мне, 19-летнему хлопцу, и командным голосом произнес: «Ты у меня рашпиль есть будешь!»

Про этот рашпиль я вспомнил спустя несколько лет, когда мы тренировались перед чемпионатом мира в экстремальных условиях. Один из тренеров советской сборной, настраивая нас на победу, внушал: «Ваши желудки должны работать так, чтобы заглатывать проволоку, а выплевывать гвозди». Это вроде такой своеобразный солдатский юмор.

ВОСХОЖДЕНИЕ

После армии я попал на подготовку к знаменитому тренеру Леониду Михайловичу Шелешневу. Он воспитал первого советского олимпийского чемпиона Виктора Капитонова, который в 1960 году выиграл групповую гонку, обойдя на полколеса итальянца Ливио Трапе в Риме. И это была сенсация!

После мюнхенской Олимпиады Виктор Арсеньевич уже был главным тренером сборной и подбирал новую команду. Однажды мы вместе оказались на сборе в Сочи с олимпийскими чемпионами 1972 года. К тому времени я уже выполнил норматив мастера спорта СССР международного класса в командной гонке, занял 2-е место в гонке с раздельным стартом на чемпионате СССР и неожиданно для многих (да и самого себя) выиграл гонку-критериум на чемпионате СССР в Душанбе. Почему так? Да потому, что у меня не было сильного финиша (а это необходимое условие для критериума), однако я смог оторваться от группы и удалиться за горизонт. Почему-то в тот момент никто не захотел меня догонять. А может, и не смог...

ТЕСТ НА ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ

Но я в тот момент испытывал неудобства не столько на трассе, сколько в столовой. Порции были распределены: на завтрак я отдавал мясо одному, в обед другому, на ужин третьему, взамен брал гарнир. Но однажды это заметил врач команды и «наступал» Капитонову. Тот вызвал меня к себе. Разговор состоялся неприятный: «Ну что, торговец мясом? Ты знаешь, сколько человек хотят на твое место попасть? Vegetарианцы мне в команде не нужны. Иди!» На ужин подали лангет. Я порезал его на мелкие кусочки и стал глотать, чтобы не выгнали.

На первый взгляд, в 1974 году наш квартет к чемпионату мира в Монреале был скомплектован довольно странно. Олимпийский чемпион Геннадий Комнатов был невысокого роста (около 168 см), я — 187 см, Валерий Чаплыгин — 185 см. Поиск четвертого участника затянулся. Им стал тоже невысокий чемпион СССР в команде «Буревестника» Ринат Шарафуллин. Из-за разного роста велосипедистов аэродинамика в

команде была нарушена. Более высокий гонщик не мог спокойно отсидеться за спиной низкого, требовалось затрачивать дополнительные усилия.

В Канаде стояла невероятная жара — плюс 32 градуса. На чемпионате мира мы фактически ехали наравне с главными фаворитами шведами 60 км, но на финише отстали на мизерные 2 секунды. Однако были рады и такому исходу событий. За 13 км до финиша Ринат отстал, ему помогли добраться полицейские. На пьедестале нам вручили цветы и медали, и тут же Ринат потерял сознание и упал. С ним случился солнечный удар. Пока Комнатов прикрывал нас цветами от фотокамер, мы с Чаплыгиным быстро подхватили товарища и вынесли на руках.

На следующий год снова как таковой сплоченной команды не оказалось. Четвертым к нам в компанию отобрался молодой эстонский гонщик Ааво Пиккуус. За 5 км до финиша мы вновь оказались втроем. И опять заняли второе место, на сей раз уступив полякам 5 секунд.

Близился олимпийский год. А мы никак не могли выйти на лидирующие позиции в мире в престижном виде программы.

Весной 1976 года вдруг у нас на сборах появился абсолютно нетипичный велосипедист Анатолий Чуканов, который не отбирался по спортивному принципу — его взяли с испытательным сроком по рекомендации 6-кратного победителя Велогонки Мира Гайнана Сайдохужина, который уже работал тренером. На фоне остальных парень выглядел эдаким амбалом, но было видно, что по дистанции у него сильный ход.

За 10 дней до Олимпийских игр на отборочном чемпионате СССР в Каунасе сборная СССР (то есть мы) за 25 км до финиша проигрывала и сборной «Буревестника», и ЦСКА. Правда, нам опять-таки втроем удалось ликвидировать 27-секундное отставание и выйти на лидирующие позиции.

**ЦЕЙТИН
ЯЗВИТЕЛЬНО
КОММЕНТИРОВАЛ:
«ВЕЛОСИПЕДИСТ?
ВСЕ ЯСНО:
РУЧОНКИ
СЛАБЕНЬКИЕ»**

ВСЕМ СПАСИБО. ВСЕ СВОБОДНЫ

Олимпиада могла закончиться для нас, так и не начавшись. За два дня до старта Капитонов нам принес две стартовые майки и сказал: «Выбирайте». Одна была красная,

как спартаковская, с широкой белой полоской на груди. Вторая тоже красная с разноцветной оторочкой на рукавах и горловине — в этой форме выступали прежде наши треквики, ставшие чемпионами мира. Понятно, что кое-где майки пришлось подштопать.

Мы стартовали первыми на Олимпиаде, и в расположение команды пришел сам председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлович Павлов.

Он похлопал каждого из нас по плечу и произнес «Богатыри! Должны выиграть! Не подведите!» Мы понимали, что открываем Олимпийские игры, и смиренно пошли на старт. Следом удалился Капитонов в автомобиль технической помощи. Начался 3-минутный обратный отсчет. Простучало полминуты, и тут судья указал флажком: «Покинуть место старта!» Капитонов увидел замешательство, схватил переводчика и ринулся к нам. Судья говорит: «Форма не соответствует заявленной: должна быть красная и никаких отличительных полосок». А время тикает... Тут Чуканов бросает «спасательный круг»: «А давайте полоски подвернем». В считанные секунды мы предстали перед судьей, как виноватые неопрятные школьники. У него глаза перекосило, как у комика. Эти две минуты показались вечностью. Тут вновь последовала команда «На старт!». Мы едва успели пристегнуть ремешки на педалях, услышали оставшиеся секунды — пиу-пиу-пиу — и поехали...

В итоге все закончилось благополучно. У прошлогодних чемпионов мира, поляков, мы выиграли 20 секунд и стали олим-

пийскими чемпионами. Хотя по ходу нас пугали и кричали, что мы отстаем, но все равно на скорости ничего слышно не было. Вечером мы, конечно, обсуждали события дня. И каков мог бы быть финал, если бы мы выбрали форму с широкой белой полосой на груди, которую никак не спрятать. Понятно, где мы были: бесславно вернулись бы домой. А вот для тренера это означало конец карьеры и приговор. Ведь командная форма заявляется на Олимпийские игры за год до начала старта. Мы понимали, что на следующий год Капитонов будет подыскивать молодых спортсменов. Но я подумал: зачем самому уходить, если не выгоняют?

СТУДЕНТ

Мне постоянно не удавалось стать студентом вуза. Вступительные экзамены всегда проводились в августе, как раз во время чемпионата мира. Мы приходили с тренером с вопросом: «Как быть?» Нам говорили: «Что ж нам теперь специально для него комиссию собирать?»

Олимпиада-76 проводилась в июле, и я, наконец, принес документы в БГОИФК. А там очередь на медицинскую комиссию огромная. Я занял место в хвосте. Тут подбегает ко мне какой-то футболист и давит на психику окружающим: «Товарищи, расступитесь, дайте дорогу олимпийскому чемпиону!» Меня протянул и сам пролез. И вскоре я понял, что приплыл... На вступительном экзамене на дистанции 50 м мой пульс поднялся до 200 ударов в минуту, чего никогда не случалось на гонке длиной в 100 км. Как только в моих легких закончился воздух, я стал тонуть на мелкой части бассейна, преподаватель подцепил меня шестом и дотянул до бортика. На этом позор не закончился. Уже будучи студентом, я продолжал «не дружить» с гимнастикой. Михаил Ильич Цейтин язвительно комментировал: «Велосипедист? Все ясно: ручки слабые». К слову, через козла я так и не прыгнул. Но самый сложный зачет оказался по кино- и фотоделу. Пять раз ходил сдавать. Так и не понял, почему этот предмет так важен для тренера.

ЗОЛОТОЙ ДУБЛЬ

В 1977 году мы впервые стали чемпионами мира тем же составом, что и на Олимпиаде, чего в велоспорте никогда не случалось. Шведы много раз были чемпионами мира, а олимпийскими чемпионами — ни разу. Голландцы дважды были олимпийскими чемпионами, но «мир» не выигрывали. Однако испытание для нас выдалось несущественным. Соревнования проходили в Венесуэле. Жара стояла невероятная. Мы заранее приехали акклиматизироваться и поселились в каких-то убогих хижинах без окон и дверей. Спали на ржавых железных кроватях. В тумбочках плодились тараканы размером со спичечный коробок. И ничего в этом не было удивительного. Вокруг джунгли, ночами напролет всевозможная живность надрывается: «Шир-пыр-тыр». Нам приказали строго-настрога с дороги не сворачивать: в лесу водятся змеи.

После гонки мы испытывали жесткое обезвоживание. А надо как-то мочу на допинг сдавать! Организаторы выкатили машину с водой и пивом. И тренеры кричат: «Не пейте! Может быть провокация!» Долго же мы не могли с этим контролем расквитаться... В душ сходили, потом по холодному полу пытались топтаться, так два часа и просидели.

ПОДАРОК ЗА СВОЙ СЧЕТ

Пока я ездил по сборам, зарплату на сберкнижку собирал. Олимпийским чемпионам полагалось писать заявление в Спорткомитет и можно было за свой счет купить престижный автомобиль — «Волгу». Решение о выделении автомобиля принимали на уровне Совета Министров.

Я так и сделал и уехал на сборы. Через какое-то время иду на почту, заказываю телефонный разговор с трене-

ром в Минске. Корбут мне говорит: «Приезжай за автомобилем. Я вышлю тебе телеграмму, что мама заболела». Я отпрашиваюсь у Капитонова, мчусь из Пицунды. Мне тут говорят: «Понимаешь, такое дело... Футболист Анатолий Боговик заканчивает выступать. У него другой возможности не будет...» Я говорю: «Так что, я зря приехал?» Мне в ответ: «Не волнуйся. Будет тебе машина».

Через год Корбут снова говорит, чтобы приезжал. Я снова иду к Капитонову. Тот: «Что, опять мама заболела?» Я говорю: «Нет. Проблемы в институте». Капитонов: «А за что твой тренер деньги получает? Чтобы учился за тебя. Разъездишься ты». Я приезжаю, звоню ответственным лицам в Спорткомитет и слышу: «Володя, так неудобно... К нам из Чимкента переезжает Нелли Ким. Надо ей дать машину...» Я бросил трубку и снова уехал ни с чем. Позже пришел к председателю Спорткомитета. Виктор Ильич Ливенцев спрашивает: «И нужна тебе эта машина?» Я оправдываюсь: «Ну, конечно, у меня велосипед есть. Только хотелось бы знать, сколько лет мне еще ждать». «Получишь весной», — заверил он. И получил... Все стремились приобрести белую или черную, а мне выделили зеленую, да еще бракованную. Я замучился ее ремонтировать. Тогда это была огромная проблема.

МОСКВА—80

Осенью 1979 года на сборах претендентов на олимпийский квартет в командной гонке собрали вместе с запасными 18 человек. Из нашей четверки по Пиккуусу вопросов не было. Моя кандидатура оставалась под вопросом. Остальные оказались сразу за пределами основного состава.

Я занял третье место на Спартакиаде народов СССР и второе на чемпионате СССР. Но Капитонов на собрании сказал: «Каминский молодец, никогда не подводил, но на Олимпиаде—80 нужны будут совсем другие скорости, а ему уже 30 лет». Меня вроде отодвинули, но я не прекращал выступать, правда, только на каких-то второстепенных соревнованиях. Показатели приборов горючили о том, что я нахожусь в прекрасной форме.

Молодежь готовили, и она действительно была сильна. Но за две недели до Олимпийских игр команда развалилась. Ярких лидеров не было. И начался драматический сериал. На чемпионате СССР сделали сценарий, как на Олимпиаде. Главный молодой состав представлял сборную СССР. А мы, туда не попавшие, но сильные — немцы, — сборная ГДР. У нас — «немцев» — у одного из гонщиков случился прокол колеса, пока меняли, отстали, но потом наверстали упущенное и стали чемпионами. Пошла череда контрольных испытаний. На одной из групповых гонок на 180 км я в одиночестве ушел в отрыв. Проехал 120 км и подумал: с какого перепугу мне кому-то что-то надо доказывать? Ведь «командников» снимают после 100 км. Я же в этой компании старше самого пожилого на 6 лет и на 10 — самого молодого. Мой Леонид Степанович Корбут решил подбодрить, увидев, что я лидирую: «Володя, соберись, за тебя борются!» Но я уже написал свой сценарий и закончил дистанцию. А Корбут за один день поседел. Вечером меня пригласили в комнату. Один тренер взял на себя смелость и заявил: «Володя, мы приняли решение взять тебя запасным». Я сказал: «Спасибо. Лучше я поеду домой готовиться к гонке в Швейцарии со сборной БССР. Если, конечно, вы позволите». Капитонов встал и протянул мне руку: «Молодец!», а потом доложил заместителю председателя Спорткомитета СССР, что я отказался. Вероятность того, что советская команда станет чемпионом, была очень высока.

Несложно представить ваше отношение к тренеру, принимающему судьбоносное решение. На Капитонова я зла не держал. В конце концов победителей не судят, и благодаря ему я тоже стал олимпийским чемпионом среди тех 12 человек, которых он подготовил в трех командах — 1972, 1976, 1980 гг. Да, кстати,

Я ВООБЩЕ НЕ ЗНАЮ, КАК ВЫДЕРЖАЛ СТОЛЬКО ЛЕТ В СПОРТЕ СО СВОИМ БОЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ. 10 ОПЕРАЦИЙ ПОЗАДИ И НЕ ЗНАЮ, ЧТО ВПЕРЕДИ

он только ко мне одному — то на 50-летний юбилей и приезжал.

Я вообще не знаю, как выдержал столько лет в спорте со своим больным сердцем. Ведь было постоянное перенапряжение. В итоге 10 операций позади и не знаю, что впереди. А, в общем-то, я ведь рассказал только про первые 30 лет. Вы ведь не знаете, может, следующие 40 были даже более драматичными?